

цами целые ночи...» («Дансинг-герл»). Утешая, В. по-прежнему звал в «голубые края» («Любовнице») и навевал «сон голубой» («Мадам, уже падают листья»).

Но теперь «голубые края» нередко обрели черты его родины: «Рождество в стране моей родной, / Синий праздник с дальнею звездой, / Где на паперти церквей в метели / Вихри стелют ангелам постели» («Рождество»). Первой удачей в жанре патриотической лирики стало стих. «В степи молдаванской» (1925): «О, как сладко, как больно сквозь слезы / Хоть взглянуть на родную страну». Эти строки запечатали чувства сотен тысяч русских эмигрантов. Стих. «О нас и о родине», написанное в США в мае 1935, созвучно произведениям М. Цветаевой «Стихи к сыну» и «Тоска по родине». В. призывал «чувство русское тоски» нести не в «чужие страны», а в Россию, которая «и простит и поймет». В заключительных строках сформулированы мысли, родственные идеям младороссов: «И пора уже сознаться, / Что напрасен дальний путь... / И еще понять беззлбно, / Что свою, пусть злую, мать / Все же как-то неудобно / Вечно в обществе ругать».

С 1935 по 1943 В. жил в Китае, где в лице сверстника поэта А. И. Несмелова встретил во многом единомышленника («дело мое — Россия»). Духовной опорой стали соч. Вс. Н. Иванова, философа и поэта, автора книги «Огни в тумане. Думы о русском опыте» (Харбин, 1932). В. считал его одним из своих «умнейших и культурнейших критиков» (Дорогой длиною... С. 165). В 1937 В. собирался «приехатьпеть на Родину» по «просьбе Комсомола»: «дети моей Родины позвали меня к себе!» (Дорогой длиною... 2-е изд. С. 456). С началом Великой Отечественной войны усилилось стремление помогать родине. В. был готов «винтовку взять» («Иная песня»). 7 марта 1943 он обратился к В. М. Молотову и в том же году переехал на жительство в Москву.

Последние 14 лет В. посвятил выступлению на эстраде (сотни концертов в год) и в худож. кино. Семейное счастье внесло в стихи В. интонации удиротворения, светлой грусти и бодрости («Доченьки», «Жене Лиле»). В 1949 он попытался воспеть (получилось риторично) «наших женщин» — «воинов науки и труда». В основном В. остался верен своей духовной программе. Он не скрывал симпатий к Д. Д. Шостаковичу и художникам, объявленным формалистами. Газ. и ж. о В. не писали, его стихи не появлялись в печати. Власть предпринимала попытки подчинить творчество В. политическим нормам (см.: Источник.

1995. № 1. С. 64), не считаясь с личным человеческим опытом В. Поэт остро сознавал свое духовное одиночество: «Дрожу в просторах Родины моей»; «Гибнут песни, не достигнув цели» («Отчизна»). В 1956 он прямо заявил: «не верю в человечность» правителей. «Доколе они будут измываться над нашей Родиной?» — спрашивал В., оскорбленный в своих патриотических чувствах (Дорогой длиною... С. 411, 506). Лит. достижениями этих лет стали воспоминания, начатые в Шанхае, и эпистолярная проза (письма к жене). В мемуарах искренне, живо и ярко В. рассказал о своей судьбе и людях эпохи 1910–30-х. Но завершить мемуары не удалось. Во время ленинградских гастролей в номере гостиницы «Астория» «начался сильнейший сердечный припадок. Под рукой не оказалось нитроглицерина, и все было кончено в несколько минут. На следующий день <...> встречали в Московском театре эстрады, на площади Маяковского, оцинкованный гроб, прибывший в Москву на самолете» (Филиппов Б. М.— С. 336). Похороны В. состоялись на Новодевичьем кладбище.

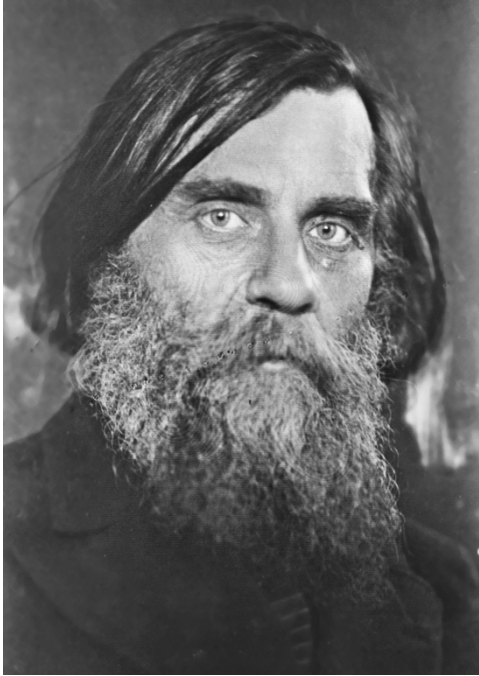
Соч.: Песни и стихи. 1916–37. Харбин, 1937; Песни и стихи. 1916–37. Париж, 1938; Четверть века без Родины // В краях чужих. М.; Берлин, 1962. С. 197–309; Дорогой длиною... [Воспоминания, стихи и песни, рассказы, зарисовки, размышления, письма] / предисл. Ю. Томашевского. М., 1991; За кулисами: сб. / вступ. статья Ю. Томашевского. М., 1991; Песни [Ариетки Пьеро]. Пермь, 1995; Дорогой длиною... 2-е изд. / сост. и подгот. текста Л. Вертинской. М., 2004.

Лит.: Филиппов Б. М. Записки «домового». М., 1978. С. 333–336; Савченко Б. А. Александр Вертинский. М., 1989; Два Вертинских // Московский ж. 1991. № 6. С. 15–17; Мелихов Г. «Родная свеча на чужих берегах»; Гастроли Вертинского в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 6. С. 89–97; Бабенко В. Г. Арлекин и Пьеро. Николай Евреинов и Александр Вертинский: Материалы к биографии. Размышления. Екатеринбург, 1992; Макаров А. С. Александр Вертинский. Портрет на фоне времени. М.; Смоленск, 1998.

В. В. Перхин

ВЕРХОВСКИЙ Юрий Никандрович [23.5 (4.6).1878, с. Гришиново Смоленской губ.— 23.9.1956, Москва] — поэт, переводчик, историк лит-ры.

Родился в семье присяжного поверенного. Обучался сначала в смоленской классической гимназии, затем в 4-й (Ларинской) гимназии С.-Петербурга. В 1902 окончил романо-германское отделение историко-филол. ф-та Петербургского ун-та, где занимался

Ю. Н. Верховский

под руководством академика А. Н. Веселовского; был оставлен при ун-те. После смерти А. Н. Веселовского (1906) науч. интересы В. переменялись: он стал все больше тяготеть к русской лит-ре пушкинского времени, особое внимание уделяя изучению жизни и творчества А. А. Дельвига и Е. А. Баратынского. В. принимал участие в подготовке академического СС Баратынского, в 1916 опубликовал материалы к его биографии из Татевского архива; итогом разысканий и раздумий о судьбе и творческом наследии Дельвига стала книга **«Барон Дельвиг. Материалы биографические и литературные»** (1922). В 1919 в Москве вышел подготовленный В. сб. «Поэты пушкинской поры» с его предисл. Кроме того, перу В. принадлежат такие статьи и очерки, как **«Стихотворение Лермонтова на смерть Пушкина. Черновой автограф из Татевского архива»**, **«Из истории литературы. Пушкиниана»**, **«О символизме Баратынского»**, **«Таинственная повесть»** (о Лермонтове).

Глубокая привязанность к поэзии пушкинской эпохи сказалась на творчестве В. Знаменательны строки из его стих. **«Тоска, тоска, тоска — и все кругом постыло...»** (1910–16): «О, ясный Вяземский, о, Тютчев тайнодумный, / О, Баратынского волшебная печаль!»

С другой стороны, В. испытал серьезное влияние поэзии символистов. Он стремился облечь образы и мотивы, вызванные символистским мировосприятием, в формы русского классического стиха первой половины XIX в.

Как поэт В. дебютировал в ж. «Вестник Европы» (1899. № 11), где напечатал два стих. (**«Сонет»** и **«Сфинксы над Невой»**). Первой серьезной публикацией явилась подборка (20 стих. и 2 поэмы) в «Зеленом сборнике» (СПб., 1905), в котором выступили начинающие авторы (среди них — М. Кузмин). Блок выделил В. как «владающего стихом лучше других». В. Брюсов в рецензии на сборник отметил, что В. «наиболее разнообразен из числа участников»: «На сорока страницах, занятых им, есть порывания в самые противоположные стороны: он слагает строгие сонеты, пробует вольный стих (**«Светит месяц»**), „неверные“ созвучия (**«Тени ночные»**), новые метры (**«Часто ты слышишь звуки»**), <...> подражает пушкинским лирическим поэмам (**«Пустыня»**), Фету... Апухтину... и т. д. — но в этом многообразии еще нет ничего своего, что связало бы разрозненные части в целое, в единое» (Весы. 1905. № 1). Первый поэтический сб. В. **«Разные стихотворения»** (1908) был встречен критикой довольно благожелательно. Но наибольший отклик получил его второй сб. **«Идиллии и элегии»** (1910; рецензии Н. Гумилева, С. Городецкого, В. Ходасевича и др.). Когда автор послал книгу Блоку, тот откликнулся стих. «Юрию Верховскому (При получении „Идиллий и элегий“» (май 1911), в котором писал: «И в шуме осени суровом / Я вспомнил вас, люблю уже / За каждый ваш намек о новом / В старинном, грустном чертеже». В. в ответ написал стих. **«А. Блоку в деревню»** (авг. 1911). Блок с симпатией относился к В., считая его своим «добрым приятелем». Блоку В. посвятил позднее статью **«Восхождение. К поэтике А. Блока»** (в сб. «Об Александре Блоке». Пг., 1921), а также заметки мемуарного характера **«В память Александра Блока»** (Дружба народов. 1980. № 11). Дружеские отношения связывали В. также с Вяч. Ивановым, М. Кузминым, Ф. Сологубом, В. Пястом и др.

Наиболее полным собр. лирики В. стала книга **«Стихотворения»**, вышедшая в Москве в 1917. Она включает в себя разделы **«Сельские эпиграммы»**, **«Идиллии»**, **«Элегии»**. Как отметил Ю. М. Гальперин, «лирика В. отмечена камерностью переживания, тематической и жанровой определенностью, изысканными, но не броскими экспериментами с метрикой, рифмой, строфикой»

(Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 432).

После революции 1917 В. занимался главным образом преподаванием русской лит-ры (в Пермском и Петербургском ун-тах, с 1924 — в Ин-те слова и на Лит. курсах в Москве) и переводами (см., в частности, книгу «Поэты Возрождения», 1948).

Соч.: Идиллии и элегии. СПб., 1910; Стихотворения. М., 1917. Т. 1; Серебряный век: Петербургская поэзия конца XIX — начала XX в. Л., 1991. С. 164–167.

Лит.: Иванов-Разумник Р. Старинное. (Поэзия Ю. Верховского) // Заветы. 1914. № 2; Письма А. А. Блока к Ю. Н. Верховскому // Встречи с прошлым. М., 1982. Вып. 4; Муравьев В. Истинный поэт // Поэзия 1985. М., 1985; ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 43–44, 552.

В. Н. Быстров

ВЕРШИГОРА Петр Петрович [3(16).5.1905, с. Севериновка, Молдавия — 27.3.1963, Москва] — прозаик.

Родился в семье сельских учителей. В 12 лет остался круглым сиротой, зарабатывал на пропитание пастушеством, работал на мельнице. В 1920 поступил в профагрошколу, из-за голода и тифа учеба была прекращена. До 1925 жил на родине отца в с. Севериновка, работал избачом, председателем сельсовета, реж. драмкружка. Затем пошел добровольцем в Красную Армию, служил

П. П. Вершигора

в полковой музыкальной команде. В 1927 поступил на режиссерское отделение Одесской консерватории, в 1930 окончил ее. До 1935 работал актером и реж. в театрах Одессы, Киева, Ростова, Горького, Ижевска, затем читал лекции на молдавском ф-те Одесского театральном училища. В 1936 поступил в Московскую киноакадемию, через 2 года окончил ее и работал реж. на Киевской киностудии. До войны написал пьесу «**Дуб Котовского**», повесть и несколько рассказов.

С начала Великой Отечественной войны — в боевом строю. В июле в должности помощника командира взвода участвует в боях у Днепра. Очевидец вспоминает: «После усиленного артиллерийского и минометного огня фашисты яростно атаковали. Убит командир взвода, раздумывая некогда, Вершигора вырвался вперед и крикнул: „Взвод, слушай мою команду!“ Бойцы сражались ожесточенно, героически. Когда погиб и командир батальона, его заменил Петр Вершигора» (Роготченко А.— С. 110). Был назначен начальником группы кинофотокорреспондентов политотдела 40-й армии.

Стал одним из руководителей партизанского движения. Был ранен в окружении, из вражеского тыла прорвался к своим. В июне 1942 переброшен в тыл врага на Брянском фронте. С сент. 1942 заместитель командира по разведке в партизанском соединении С. А. Ковпака. В 1943 назначен командиром 1-й Украинской партизанской дивизии. Участвовал в пяти рейдах по тылам врага. Награжден многими орденами, в т. ч. боевым орденом Богдана Хмельницкого, медалями, удостоен звания Героя Советского Союза (1944). Закончил войну генерал-майором.

В 1945 в ж. «Знамя» опубликовал первые главы записок-воспоминаний о войне «**Люди с чистой совестью**». Тогда же зачислен слушателем в Академию Генерального штаба, после ее окончания в 1947–54 — старший преподаватель Военной академии Генштаба на кафедре истории военного искусства. Книга о героях Великой Отечественной войны «Люди с чистой совестью», впитавшая в себя большой жизненный опыт автора, стала популярной среди читателей, многократно переиздавалась, переводилась на мн. яз., была хорошо встречена в печати (см., например: Усиевич Е. Люди с чистой совестью // Знамя. 1947. № 4; Трофименко П. Новое издание хорошей книги // Новый мир. 1952. № 7). В 1947 пьеса «Люди с чистой совестью» была поставлена в Москве и Ленинграде.